

ИСТОРІЯ

О

ИЗБРАНІИ И ВОСШЕСТВІИ НА ПРЕСТОЛЪ

БЛАЖЕННЫЯ И ВѢЧНОДОСТОЙНЫЯ ПАМЯТИ

ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ

АННЫ ІОАННОВНЫ

САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССІЙСКІЯ.

СОЧИНЕНІЕ

Ѳеофана Прокоповича.

1730 ГОДЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Н. Греча.

1837.

Печатать позволяется.

С. Петербургъ, Марта 11-го дня, 1837 года.

Цензоръ П. Корсаковъ.

ИСТОРІЯ

о избраніи и восшествіи на престолъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны, Самодержицы Всероссійской (*).

Преставился Петръ II 1730 года, Января 18 дня (1), во второмъ часу по полуночи, по

(*) Ѳеофанъ Прокоповичъ, Архіепископъ Новогородскій, участникъ дѣлъ Великаго Петра, много оставилъ послѣ себя сочиненій: нѣкоторыя изъ нихъ были при жизни его напечатаны, нѣкоторыя же остались доселѣ не напечатанными, и изъ числа послѣднихъ: »Исторія о избраніи и восшествіи на престолъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны, Самодержицы Всероссійскія,« собственноручно писанная самимъ Ѳеофаномъ;

учиненномъ ему (какъ въ Греческой Церквѣ обычно), отъ трехъ Архіереевъ елеосвященіи, меньше часа, и пребыли Архіереи въ палатахъ до кончины его. Были тамъ же Верховнаго Совѣта члены, тако жъ и изъ Сената, и Генералитета не малое число. И тогда Князь Василій Володиміровичъ Долгорукій, именемъ прочихъ просилъ Архіереевъ поумѣшкать немного, внушая, что тамъ же скоро имѣетъ быть совѣ-

ко мнѣ она досталась въ спискѣ. Өеофанъ описываетъ начало восшествія на престолъ Императрицы; продолженіе же исторіи, должно думать, если только было продолженіе, прервано кончиною его, послѣдовавшею въ 1786 г. Сент. 28, на 55 году жизни его. Манштейнъ, Генералъ-Маіоръ Русской службы, современникъ нашего Архіепископа и свидѣтель восшествія на престолъ Императрицы Анны, передалъ намъ объ этомъ въ сочиненіи своемъ, подъ заглавіемъ: Mémoire sur la Russie depuis l'année 1727—1744. — И такъ, имѣя въ этомъ родѣ два современныя сочиненія, я почелъ нужнымъ дополнить изъ Манштейна то, что пропущено, или не ясно въ исторіи Прокоповича, особыми выписками, которыя приложены къ примѣчаніямъ. Оцѣнить же достоинство и важность извѣстій, здѣсь излагаемыхъ, я передаю другимъ. *А. Терещенко.*

шованію: о избраніи Государя новаго. Но скоро потомъ возвратился къ нимъ, сказавъ, что Верховному Совѣту заблагоразсудилось, къ находящему дню, быть всѣхъ чиновъ собранію въ десятомъ часу по полуночи, куда и они Архіереи изволили бы прибыть сами, и другихъ бы, какъ Архіереевъ, такъ и Архимандритовъ, съ собою привели бы, понеже сіи были Синодальные. И тако Архіереи всякъ во своя отошли. Но уже въ самомъ семъ поступкѣ нѣкая была хитрость, ибо по отшествіи Архіереевъ верховные и другіе начальники тамъ же остались (2). И долго разглагольство было о наслѣдникѣ Государѣ, съ немалымъ разгласіемъ. Князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукій (3), невѣсты новопреставльшагося Государя родитель, дочери своей скипетра домогался, которой его дерзости, яко весьма нечаянной, многіе удивились. Но онъ властолюбіемъ ослѣпленъ, не устыдился показать и нѣкое письмо, яко бы Петра II завѣтъ, прежде кончины своей написанный, которымъ будто бы онъ Державы своей наслѣдіе невѣстѣ Екатеринѣ укрѣпилъ. Дивное всѣмъ стало Князя Алексѣя безстудіе, (кромѣ однихъ, часо, свойственниковъ его), и

на требованіе его, весьма непристойное и смѣха достойное, никто не посмотрѣлъ. Понеже отнюдь не могло быть вѣроятно, дабы учинилъ то Государь, до болѣзни своей, — отрокъ крѣпкимъ составомъ цвѣтущій, и толь сильное имѣющій здравіе, что многолѣтняго весьма житія надежду подавало: какъ же бы онъ могъ и подумать о близкой своей смерти? А когда пришла ему болѣзнь, (которая не болѣе двѣнадцати дней, удручая его, умертвила), во все то время дѣлали ему потѣшку скораго къ первому здравію возвращенія: не то, чтобъ ему о будущей смерти повѣщать, хотя бы и подлинно вѣдано, что ему прочее живу не быть (4). По отверженіи же того домогательства, требовано другихъ господъ мнѣнія. Разные были голосы, однако же внѣ фамиліи Государей не выходили. Нѣкто приговаривалъ и за бабкою Петра II, недавно изъ заточенія освобожденною (5). Но сіе прочіе судили яко непристойное, и происшедшее отъ человѣка корыстей своихъ ищущаго, самымъ молчаніемъ притушили. А когда произнеслось имя Анны, вдовой Курляндской Герцогини, дщери Іоанна Царя, большаго Петра I брата, купно съ нимъ до кон-

чины царствовавшаго, между Екатериною и Параскевеею средніе сестры, тотчас чудное всѣхъ явилось согласіе (6), которому спорить не посмѣли и оные, коимъ закладенная и, по мнѣнію ихъ, неотъемлемая уже въ рукахъ была высочайшая власть, а тогда отъ нихъ уходила.

О перемѣнѣ формы или образа царствованія, (чего нѣцыи изъ оныхъ господъ и прежде сего желали и желанія въ себѣ утаить не могли, какъ уже ясно о томъ покажется), въ семъ тогда же собраніи, (хотя не при всѣхъ, но по выходѣ оттуда многихъ прочихъ), говорено, и что о томъ умышлено, ниже сего извѣстно будетъ.

Когда день насталъ, и великое всѣхъ чиновъ множество въ Верховный Совѣтъ собралось, куда и синодальные и другіе прочіе Архіереи и Архимандриты прибыли, и Великій Канцлеръ вслухъ предложилъ, что Верховный Совѣтъ Курляндской Герцогинѣ Царевнѣ Аннѣ Россійскую корону должну быть усматриваетъ, но требуетъ и всѣхъ всего отечества лице на себѣ являющихъ чиновъ согласія;— тотчасъ всѣ въ единъ голосъ изволеніе свое показали, и не

единаго не было, который хотя бы мало задумался. Первый же Архіерей (7), именемъ всѣхъ отвѣтствуя, сказалъ, что, не только какъ онъ, такъ и вся братія его на то согласуютъ, но и желаютъ тотчасъ въ престольной церквѣ при всенародномъ присутствіи торжественнымъ молебствіемъ благодарить всемилостивѣйшему Богу, за толикое полученное отъ Него дарованіе. Но когда сіе Архіерей оный слово произнесъ, непріятно то стало верховнымъ господамъ, отрекли и быть тому тогда не приговорили, что, яко весьма нечаянное, подвигло всѣхъ до великаго удивленія, и тако великій оный соборъ распущенъ.

Стали же многіе разсуждать: какая бы то была верховнымъ причина, отлагать оное благодарственное молебствіе? И кто легко и скоропостижно разсуждаетъ, сію тою вину быть думалъ, что еще не извѣстно: соизволитъ ли Царевна Анна царствовать? Но остроумнѣйшія головы глубочаѣ нѣчто проницали, и догадывались, что господа верховные иной нѣкой отъ прежняго видъ царствованія устроили, и что на ночномъ ономъ малочисленномъ своемъ бесѣдованіи, сократить власть Царскую и нѣ-

кими вымышлеными доводами аки бы обуздать, а просто рещи, лишить самодержавія затѣяли. Если же и о согласіи Царевны Анны надлежитъ сумнѣваться, то сумнительства сего тожъ причиною, т. е. похощетъ ли Государыня Анна приняться за умаленную предковъ своихъ Державу? И догадъ сей какъ былъ неложный, скоро самымъ дѣломъ ясно показалось.

Здѣ же во-первыхъ надобно, кажется, изъяснить: кто они и сколько ихъ было, которыхъ въ повѣсти сей нарицаемъ верховными? При Императрицѣ Екатеринѣ I, сверхъ установленнаго Петромъ I Сената, новое и отъ Сената высшее Правительство учреждено, и украшено оное особливымъ именемъ: Верховнаго Совѣта. Сее жъ собраніе въ томъ вящшую отъ Сената имѣло силу, что и нѣкую власти часть Сенату отнятую приняло къ себѣ, и что большую важность возымѣло; однако же, что ни хотѣлъ бы Верховный Совѣтъ вновъ уставить, не воленъ былъ сдѣлать то безъ изъявленія Императрицы. А когда сей не стало, а насталъ Петръ II, дванадесятилѣтній тогда отрокъ, тогда Верховный Совѣтъ, получивъ себѣ, по своему мнѣнію, совершенную и свободную

власть, и могъ и дерзалъ дѣлать, что хотѣлъ. Да и тогда еще правительство оное не могло ничего учинить безъ воли Князя Меншикова, который его членъ былъ, наипаче когда сей дочь свою Петру II въ невѣсту отдалъ публичнымъ обрученiемъ. Всѣхъ совѣта того членовъ девять человѣкъ было, а по изгнанiи въ ссылку Петра Толстаго, потомъ же Меншикова, собранiе оное умалилось. А послѣ того, новымъ прибавленiемъ, стало въ числѣ осьмиличномъ. Именно же сiи были: Великiй Канцлеръ Гаврило Ивановичъ Головкинъ, первый, другой неизвѣстнаго почитай порядка: Князь Дмитрiй Михайловичъ, да братъ его Князь Михаилъ Михайловичъ Фельдмаршалъ Голицыны; Князь Василiй Лукичъ, КнязьВасилiй Володимiровичъ, Князь Михаилъ Володимiровичъ, Князь Алексѣй Григорьевичъ, и сiи четыре единой фамилiи Долгорукiе, одинъ еще изъ нацiи Нѣмецкой Андрей Ивановичъ Остерманнъ. Добавилъ бы число Өеодоромъ Матвѣевичемъ Апраксинымъ, Адмираломъ, но нестало его тогда, когда еще не всѣ, здѣ упомянутые, ко оному правительству причтены были. Именованные же Долгорукiе каковое не засѣдали мѣсто въ томъ собранiи, однако же другихъ

товарищей своихъ весьма были сильнѣйшіе, имѣя основаніе на сродствѣ своемъ Князѣ Алексѣѣ Григорьевичѣ, который въ рукахъ своихъ имѣлъ Петра II, и его же Государя, по всякому примѣру Меншикова, приводилъ къ понятію въ жену дочери своея уже обрученія совершеніемъ, и потому одинъ онъ всего Верховнаго Совѣта сильнѣйшій сталъ. Еще же и сынъ его, Князь Иванъ Алексѣевичъ, о которомъ въ народѣ слухъ относился, что въ великой у Петра II милости, много Долгорукихъ фамиліи придавалъ можности. Но скоро явилось, что Иванъ сей пагуба паче, нежели помощь роду оному приноситъ. Понеже бо и природою былъ злодерзостенъ, еще къ тому толикимъ счастіемъ надмѣнъ, и ни очемъ, яко бы себѣ не доводилось, не думалъ; не только весьма тѣхъ презиралъ, но и многимъ зѣло страхъ задавалъ: однихъ возвышая, а другихъ низлагая по единой прихоти своей: а самъ на лошадяхъ окруженъ драгунами, часто по всему городу, не обычнымъ стремленіемъ, какъ бы изумленный, скакалъ, но и по ночамъ въ честные домы вскакивалъ, — гость и досадный и страшный! И до толикой продерзости пришелъ, что кромѣ зависти нечаян-

ной славы, уже праведному всенародному ненавидѣнію, какъ самаго себя, такъ и всю фамилію свою, аки бы нарочно подвергъ. Да и прочіе Долгорукіе, хотя по внѣшнему обходительства виду будто бы и умѣренными являлися, однако же дѣлами своими въ великое властолюбія подозрѣніе приходили. Основаніе или корень таковаго ихъ безпамятства то было, что возмечтали, будто бы уже царская фортуна, чрезъ уготовляемое Петромъ II съ Катериною ихъ бракосочетаніе, въ домы ихъ преселилась. Нѣкоторые же изъ нихъ, поостреѣ разсуждающіе, хотя уже о событіи желаній своихъ и не сумнѣвались, однако же промышляя, дабы отнюдь ничего не оставалось, что намѣренію ихъ могло бы препятствовать, разныя хитрости употребляли: ревность къ православію показуя, бабку Государеву обогащевая, товарищей своихъ, да не своей крови, притворными ласканіями къ себѣ привлекая. Но больше всего возъимѣли попеченіе какъ бы Голицыныхъ примирить и присоюзить себѣ, понеже между двумя сими фамиліями наслѣдныя зависти и ненависти и ссоры и вражды изъ давнихъ лѣтъ даже до того времени были, что всему Русскому народу

извѣстно и несумнительно. Начали же Долгорукіе всѣ къ тому употреблять способности, часто пріѣзжать къ Голицынымъ и ихъ къ себѣ призывать, просить и увѣщевать прилежно, перестать бы обѣимъ сторонамъ отъ прадечнаго соперничества и взаимныя распри, яко отечеству зѣло вредныя, упразднить. И со временемъ того доспѣли, что Голицыны съ Долгорукими, прельщены ли ими будучи, въ союзъ вошли и за одно стали. Слухомъ же обносится, будто сіе дружество съ обѣихъ сторонъ присягою утверждено. Но тожъ де самое, во время опасной болѣзни Петра II, и вящше укрѣпить Долгорукіе потщились. И уже пора на первое возвратиться. — Тіи же то верховные господа, собравъ первѣе по кончинѣ Петра II, какъ уже выше показано, Совѣтъ, когда Царевнѣ Аннѣ Императорская власть согласіемъ всѣхъ присутствовавшихъ присужена стала, многихъ домой отпустили, а сами совѣтовали: какъ бы власть Государеву сократить и нѣкіими установленіи малосильнѣе учинить? На что найпаче Долгорукіе настояли, показуя видъ, будто бы они нарочно къ нѣкоей пользѣ служатъ, а самымъ дѣломъ желая получить се-

бѣ хотя часть Царской власти, когда цѣлой оной достичь не могли. Сіе коварство ихъ потому не тайно, что они не думали видѣть народное владѣтельство, (кое обычно вольною республикою называютъ), но всю крайнюю силу осьмиличному своему Совѣту учреждали, который владѣнія образъ, въ толь маломъ числѣ владѣющихъ, не можетъ нарѣщись владѣтельство избранныхъ, Греческа аристократія, но развѣ сковническое (?) торжество или насильство, которая олигархія у Еллиновъ именуется. Еще же и другое умышленіе Долгорукихъ было. Другихъ они друзей своихъ надеждою только, яко бы общаго съ собою корыстованія, тѣшили, на время, а имѣли намѣреніе и оныхъ изъ своего общества исключить. Сіе же всенощной оной затѣйки ухищреніе, не трудно будетъ познать читателю, какъ изъ разныхъ воспослѣдовавшихъ дѣла сего обстоятельствъ, такъ и съ мастерства, которое господа сіи въ произведеніи умышленій своихъ употребляли, что слѣдующее сказаніе ясно покажетъ.

И во-первыхъ, когда верховные оные господа благодарственному, какъ выше сказано, мо-

лебствію быть не велѣли, и тѣмъ самымъ у людей умныхъ вошли въ подозрѣніе, еще и самы, торопясь, затѣйки свои какъ бы возможно произвесть скорѣе въ дѣло, аки бы нарочно таинства своя открыли. На другой день по преставленіи Государевомъ выправили въ Курляндію Князя Василья Лукича Долгорукаго, придавъ ему будто бы двоихъ товарищей, (одинъ же изъ нихъ былъ Голицынъ, Кн. Михаилъ Михайловичъ меньшой), но съ такою скоростію, что на разставленныхъ нарочно для того частыхъ подводахъ, казалось, летѣли они, паче нежели ѣхали. Тщались же то предъ всѣми утаить, но тотчасъ по всему городу вѣдомо учинилось. Въ то же время по всѣмъ дорогамъ, которыми можно бы кому въ Курляндіи пробираться, крѣпкія заставы расположили, давъ онымъ солдатамъ указъ, дабы оттуда къ Москвѣ идущихъ пропускали, а отъ Москвы туда шествующихъ удерживали бы и письма бы у нихъ обирали. И отъ такого ихъ дѣйствія не токмо догадливые люди, но тупые простолюдины явно уже видѣть могли, что господа верховные затѣваютъ. И не трудно было разумѣть, что они вымышленный отъ

себя новый царствованія порядокъ хотятъ Государынѣ поднесть именемъ всего народа, аки бы всенароднымъ согласіемъ утвержденный (8). Опасаясь же и боясь, дабы отъ кого увѣдомлена Государыня коварства ихъ не познала, старались какимъ-то обереженіемъ, чтобъ она о томъ знать не могла, покамѣстъ сама въ руки имъ не достанется. Многіе же и проклинали таковый поступокъ, яко къ презлѣйшему обычаю образецъ, что они такъ дѣлали съ ожидаемымъ Государемъ своимъ, какъ по нуждѣ дѣлаютъ съ наступающимъ непріятелемъ.

Жалостное же вездѣ по городу видѣніе стало и слышаніе. Куда не прійдешь, къ какому собранію ни пристанешь, не иное что было слышать, только горестныя нарѣканія на осьмиричныхъ оныхъ затѣйщиковъ: всѣ ихъ жестоко порицали, всѣ проклинали не обычное ихъ дерзновеніе, не сытое лакомство и властолюбіе. И вездѣ въ одну почитай рѣчь говорено, что если по желанію оныхъ господъ сдѣлается, (отъ чего сохранилъ бы Богъ!), то крайнее всему отечеству настоитъ бѣдство. Самымъ имъ господамъ нельзя быть долго съ собою въ согласіи: сколько ихъ есть человѣкъ, чуть ли

не только явится атамановъ междоусобныхъ браней, и Россія возъимѣетъ скаредное оное лице, каковое имѣла прежде, когда на многія княженія расторгнена бѣдствовала. И не ложныя, по моему мнѣнію, были таковыя гаданія: понеже Русскій народъ таковъ есть отъ природы своей, что только самодержавнымъ владѣтельствомъ храним быть можетъ. А если каковое нибудь иное владѣніе правило воспріимешъ, содержаться ему въ цѣлости и благосостояніи отнюдь не возможно. Но о семъ намѣреніе наше есть особливыя доказательства написать.

Между же тѣмъ произошло въ слухъ, что другой родился союзъ, осьмиличному противный. Знатнѣйшіе, сирѣчь, изъ шляхетства сноситься и совѣтоваться начали, какъ бы дѣйствительно вопреки стать верховникамъ и хитрое ихъ строеніе разрушить, и для того по разнымъ домамъ ночною порою собирались. Я въ то время, всякимъ возможнымъ прилежаніемъ, старался провѣдать, что сія другая кампанія придумала и что они къ намѣренію своему лучше усмотрѣли. И скоро получилъ я извѣстіе, что у нихъ два мнѣнія споръ имѣютъ. Одно дерзкое на верховныхъ господъ, когда они въ мѣсто сво-

его соберутся, напасть незапно оружною рукою, и если не похотятъ отстать умысловъ своихъ, смерти всѣхъ предать. Другое мнѣніе кроткое было, дойти до нихъ въ собраніи и предложить, что затѣйки ихъ не тайна, всѣмъ извѣстно, что строятъ, не малая вина однимъ и не многимъ государства составъ передѣлывать. И хотя бы они преполезное нѣчто усмотрѣли, однако же скрывать то передъ другими, а наипаче и правительствующимъ особамъ не сообщать, непріятно то и смрадно пахнетъ. Оба же мнѣнія сіи не могли произойти въ согласный приговоръ. Первое, яко лютое и удачи неизвѣстной; а другое, яко слабое и недѣйствительное и своимъ головамъ бѣду наводящее. И тако нѣкоего другаго средства искать надлежало. Досталъ же я и о томъ еще вѣдомость, что сіи верховниковъ супостаты и между собою не единодушны были, но весьма противнаго хотѣнія. Нѣкоторые изъ нихъ тщались старое и отъ прародителей возпріятое государства правило, удержать непремѣнно. А другіе, да еще сильнѣйшіе, того же хотѣли, что и верховники. Досадно имъ было, что они ихъ въ дружество свое не признали. И потому не-

трудно мнѣ было прорицать, что сіи верховныхъ противники ничего не сдѣлаютъ. И по истинѣ, все ихъ дѣйствіе день къ дню знатно простывало.

Хотя же и другая сія факція зѣло старалась собранія свои утаить, и одинъ заклиналъ, дабы нитхнуть о семъ, и всѣ великія на себя налагали клятвы, если бы кто вынестъ совѣты дерзнулъ; однако же отъ верховниковъ утаиться не могло. Были въ толикомъ множествѣ (понеже до пяти сотъ человѣкъ себя исчитали) непостоянные и вѣроломные. Были и таковые, которые одинъ у одного, а другой у другаго изъ верховныхъ имѣли, или искали милости и призрѣнія, или инымъ какимъ образомъ порабощенные крѣпко хранили тайну, тѣ тщательно искали провѣдать: кто именно предатель? О нѣкоторомъ и извѣстно стало, но тотъ укрывался: инако на посѣченіе сужденъ.

Не безъ страха же было верховнымъ, когда еще не знали они, какъ дремливое было противниковъ дѣйствіе. Нарочно отъ нихъ разсѣвался слухъ о страшныхъ на противниковъ своихъ угроженіяхъ, и что мятежная ихъ сонмища Верховному Совѣту гораздо вѣдома, и

что непокойныя оныя головы судятся яко неприятели отечества и скоро пошлется, или уже и послано, ловить их за арест, и что дурно они на множество свое уповают, понеже в числе верховных и главные полководцы обретаются, и никому из них утаиться и бежать беды нельзя, понеже немногие пойманные покажут на пытках и прочих, и явится, кто каковой казни достойны будут.

И хотя таковыя вести пошептом в народе обносились, однако ж толикой страх делали новым союзникам, что многие из них, особливо малосмощные, и в домех своих пребывать опасались: но с места на место переходя в притворном платье, и не в своем имени, но ночам только, куда кого позывала нужда, перебегали. Однако же верховники, поражая страхом супериков своих, сами еще не ощущали в себе безстрастия. Смущала их злая совесть, и что неизвестно было, чем окончится дело их толь дерзновенное. Начали же призывать к себе первейших из противной компании, и принимать с ласкосердием, и к общему сословию преклонять, клянясь и присягая, что они за собствен-

нымъ своимъ интересомъ не гонятся, и жаловались, что напрасно то въ грѣхъ имъ поставлено, что они совѣта своего всѣмъ прочимъ не сообщили тогда того вину, что хотѣли они перьве искусить и отвѣдать: какову себя покажетъ на ихъ предложеніе избираемая Государыня? А то увѣдавъ, они имѣли намѣреніе всѣхъ членовъ созвать и просить отвѣтовъ: что кому заблагоразсудится къ полезнѣйшему впредь состоянію государства, обѣщевая вскорѣ то учинить, и себя, яко неповинныхъ, передъ тѣми оправдать. Таковыя же верховныхъ выправки, кто изъ опасныхъ и невѣрныхъ мужей слышалъ, вѣдалъ, что то обманное ловительство; но другіе, и числомъ множайшіе, сими плѣнницами уловлены остались.

Когда же тако чрезъ двѣнадцать дней, а не больше, съ обѣю сторону различно мятется, а мы, что-то со временемъ хощетъ быть, дожидаемся (9). И во вторый день Февруарія, посланные отъ Верховнаго Совѣта по сенаторскимъ, архіерейскимъ и прочихъ чиновъ домамъ, разносятъ повѣстки, что Верховный Совѣтъ на утренній день всѣхъ въ собраніе призываетъ, (нарочно удерживаясь отъ нарѣчія: указываетъ,

и указъ ихъ словомъ *призву* умягчивая). Тѣ же вѣстники и приносили собранія шого вину: будто о государственномъ установленіи совѣтовать будутъ. Чудно же по истинѣ сказать, каковыя многихъ тогда явились разгласія! Одни, да и множайшая часть, говорили, что уже въ затѣйкахъ своихъ Верховный Совѣтъ раскаялся и хощетъ просить себѣ въ томъ прощенія, какъ то члены его въ незапныхъ разговорахъ и обѣщались. А другіе все иное помышляли, и какъ самы онаго къ собранію призву не любили, такъ и всѣмъ ходить туда весьма не совѣтовали: прилежно внушая, что новая то верховниковъ хитрость и злое изобрѣтеніе, какъ бы имъ прочихъ или къ согласію затѣекъ своихъ сильно понудить, или противящихся себѣ вдругъ придавить. Въ тотъ же день какая тайная нашлась поговорка, будто изъ Курляндіи пришло письмо въ Верховный Совѣтъ. И когда сіе опаснѣйшіе оные услышали, и паче тщились всѣхъ отъ повѣщеннаго собранія отводить, ибо они, присматриваясь тогда, каковымъ лицемъ являютъ верховники, примѣчали, что не только самы они, но и слуги ихъ необычно веселы и радостны были. И потому не было уже сумни-

тельно, что ухищреніе верховниковъ удалось, и Анна Государыня, ложнымъ якобы всего народа именемъ сведенна, на подложные ихъ договоры пристала. И сей многихъ догадъ непогрѣшительный былъ, но большая часть перемогла лучшую.

Въ третій день Февруарія превеликое множество къ назначенному мѣсту собралось. Гдѣ когда ожидано, что таковое къ совѣтованію отъ верховниковъ произнесется, тогда они, указавъ молчаніе, и велѣли читать присланное изъ Курляндіи письмо. И дѣломъ явилось сущее то, что опаснѣйшіе прорицали. Было то посланіе Императрицы Анны и содержало въ себѣ слѣдующая. . . . . Никого почитай, кромѣ верховныхъ, не было, кто бы таковыя слышавъ, не содрогнулся. И самы тѣ, которые вчера великой отъ сего собранія пользы надѣялися, опустили уши, какъ бѣдные ѳелики. Шептанія нѣкая въ множествѣ ономъ пошумливали, и съ негодованіемъ откликнуться никто не посмѣлъ. И нельзя было не бояться, понеже въ палатѣ оной, по переходамъ, въ сѣняхъ и избахъ многочинно стояло вооруженное воинство, и дивное было всѣхъ молчаніе. Самы господа верховные

тихо нѣчто, одинъ съ другимъ, пошептывали, и остроглазами посматривая, притворялись, будто бы и они, яко невѣдомой себѣ и нечаянной вещи удивляются. Одинъ изъ нихъ только, Кн. Димитрій Михайловичъ Голицынъ, часто погаркивалъ: »видите, де, какъ милостивая Государыня, и каково мы отъ нея надѣялися, таковое она показала отечеству нашему благодѣяніе. Богъ ея подвигнулъ къ писанію сему; отселѣ счастливая и цвѣтущая Россія будетъ.« Сія и симъ подобная до сытости повторялъ. Но поneже упорно всѣ молчали, и только онъ одинъ кричалъ, нарекать сталъ: для чего никто ни единаго слова не проговоритъ? изволилъ бы сказать, кто что думаетъ, и хотя нѣтъ, де, ничего другаго говорить, только благодарить толь милосердой Государынѣ. И когда нѣкто изъ кучи такимъ голосомъ, съ великою трусостію, примолвилъ: не вѣдаю, де, и весьма чуждуся, изъ чего на мысль пришло Государынѣ тако писать? На которые его слова ни отъ кого отвѣта не было. Потомъ Кн. Алексѣй Михайловичъ Черкаскій предложилъ словесно, дабы ему и прочей его братіи дано время поразсудить о томъ свободнѣе. И на то соизволили

верховные, желая паче отпустить прочь упрямыхъ и себя отъ страха освободить, нежели вмѣня то въ пользу свою.

Архіереи же синодальные учали домогаться, чтобы больше не отлагая, собраться и совершить благодарственное молебствіе, чему уже и не спорилъ никто. Повелѣлъ же Синодъ діаконамъ возносить Государыни имя съ полною монаршескою титлою, самодержавіе въ себѣ содержащею. Что и сдѣлано; да то жъ верховнымъ весьма не любо стало, и каялись, что о томъ прежде запамятовали посовѣтовать. И когда же въ тотъ день Синодъ посылалъ во всѣ страны письменныя титулованія Государыни формы, посылали и они, но титлы самодержавія уже прежде обраненной, перемѣнить не посмѣли.

Изъ онаго времени видѣть было можно, что всякаго почитай чина и званія люди, якобы дряхли и задумныя ходили, и будто нѣчто глубокое размышляли. И не можно было иначе поступить, у кого здравый смыслъ и разумъ былъ. Понеже, хотя затѣйка верховныхъ господъ и не тайна была, однако же никто не надѣялся, дабы они отважились такъ рабскія

и тѣсныя владѣнія уставы на Императрицу накинуть. Надлежитъ же сіе вѣдать, что сія епистолія въ Москвѣ сплетена была, и Княземъ Василіемъ Лукичемъ въ Курляндію отвезена и подложена Государынѣ для подписанія. А дабы Государыня не отреклась подписать, Князь онъ Василій неслыханною лжею заклинался, что то требованіе есть отъ всѣхъ чиновъ и общее всего народа. И о семъ изъ устъ самой Императрицы, по пріѣздѣ ея въ Москву, извѣстно стало.

Въ десятый день Февруарія получена вѣдомость, что Государыня отъ Москвы уже не далече. И скоро потомъ, отъ чина церковнаго три Архіерея, да три Сенатора отъ гражданскаго, на встрѣчу Ея Величества выправлены. Да тутъ жалостное нѣчто и примѣчанія достойное явилось. Когда оные Сенаторы и Архіереи, по опредѣленію Верховнаго Совѣта, именемъ всѣхъ чиновъ Императрицу привѣтствовать въ дорогу наряжались, нужда имъ была требовать пашпорта отъ Верховнаго Совѣта, и получили. А когда доѣхали до заставы, (о чемъ прежде упомянуто), понеже еще далече того мѣста была Государыня, тогда капитанъ,

заставу держащій, съ объявленіемъ отъ нихъ пашспорта, какъ самыхъ господъ, такъ служителей считалъ и потомъ далѣ шествовать пропустилъ. Вмѣстѣ ли и совокупно Сенаторы къ Государынѣ, которая, когда въ селѣ Чашникахъ остановилась, прибыли, или порознь и особно, я о томъ неизвѣстенъ и не провѣдывалъ, яко ненужнаго, а о семъ отъ нѣкіихъ изъ свиты князя Василія Лукича послѣ я увѣдомился, что, когда, какъ Архіереи, такъ и Сенаторы Государыню привѣтствовали, тогда оный Князь Василій, весьма прилежно на глаза ихъ присматривался и на всѣ ихъ движенія и мгновенія остро наблюдалъ. Толико, сирѣчь, трусливо и опасно было оное властолюбивое шатаніе. А правиламъ политическимъ сходна ли была хитрость оная, инымъ на разсужденіе оставляю. Еще же и сего пропустить ненадобно, что когда нѣкоторые изъ привѣтствовавшихъ, откланясь Государынѣ, прежде ея походу къ Москвѣ возвращались и зѣло скоро бѣжали, и уже три версты проѣхали, тогда Государыня изъ квартиры выѣхавъ, тотчасъ ихъ миновала и незадолго изъ глазъ вышла. И въ томъ бо господа оные имѣли попеченіе, чтобъ елико мо-

жно спѣшить, которое поспѣшеніе такъ жестокое было, что въ десять дней, (а если нужныя въ Ригѣ, Псковѣ, Новгородѣ и Твери остановки выключить, то развѣ въ восемь дней), больше тысячи верстъ убѣгли, съ немалымъ здравія Государынѣ нарушеніемъ. И того же дни (10) прибыла Императрица въ село Всесвятское, седьмь верстъ отъ Москвы разстояніемъ. И здѣ, для успокоенія остановясь, приказала Петра II, до своего въ градъ пришествія, погребенію предать,—что въ утрѣ совершилось. Но и тутъ приключилось нѣчто не простое и такое, что трудно сказать, удивленію ли паче, или смѣху оное подлежитъ? Двенадесятаго дня Февруарія, на всходѣ солнца, всѣ чины, въ домъ преставльшагося Государя сошлись. Но долго ничего не дѣлано и невѣдомо чего ожидали. Мы думали, что къ церемоніи оной не все изготовлено, однакожъ ничего, чтобъ не готово было, усмотрѣть не могли. И когда нѣкто изъ знатныхъ особъ, стуживъ долгимъ сидѣніемъ, спросилъ у одного дѣйствія того управителя: для чего походъ доселѣ не начинается? онъ ему отвѣчалъ, что еще не дождались отъ Верховнаго Совѣта опредѣленія: гдѣ и какъ быть въ церемоніи покой-

наго Государя невѣсть? А она, де, требуетъ себѣ, какъ мѣста, такъ и наряда и всей славы Императорской. И то многіе слыша, великимъ негодованіемъ возроптали, браня и проклиная необычное тѣхъ людей безстудіе. И ничего дожидаться не веля, устроились всѣ къ погребальному походу, въ которомъ мечтанная Императрица нигдѣ неявилась. Всякъ же можетъ тутъ видѣть, что Князя Алексѣя, родителя помянутой невѣсты, и другихъ имъ сродниковъ и сіе дѣльцо было, и что они, видя у себя отнятое, которое мечтали въ рукахъ своихъ имѣть, монаршій скипетръ, не оставляли ничего, чтобы не показалось къ высокости ихъ угодное. Прежде уже мы показали, какъ безстудно Князь Алексѣй оный показывалъ хартію, яко бы прямый завѣтъ отъ Петра II написанный. А когда то не удалось, то избрали они Императрицу, да безъ власти и силы, чтобъ сами тѣмъ завладѣли и они бы дѣломъ царствовали, а Государыня царскимъ только именемъ тѣшилась. Но дабы и видъ славы царской не весьма отъ дому ихъ отлучался, сію-то штучку употребить затѣяли. — Понеже, если бы Катерина ихъ въ погребальной церемоніи Императорское

мѣсто заняла, сдѣлали бы оную, если не равною самой Государынѣ, то хотя второстепенною, да еще чаю и на томъ не остановились.

Того же Февруарія въ...... день, который тогда воскресный былъ, Императрица Анна въ Москву вошла съ великою славою, да и сама не имѣла чѣмъ веселиться, и многіе о бѣдномъ ея состояніи тужили и печалились. Когда вошла въ домъ Царскій, тотчасъ узнала, что она якобы полонена и заключена въ честную тюрьму. И нельзя сей было иначе думать, понеже Князь Василій Лукичъ Долгорукій, который изъ Курляндіи привезъ ея въ Москву, у самыхъ дверей свѣтлицъ, ко пребыванію ея уготованныхъ, занялъ себѣ другія свѣтлицы, такъ что никому невозможно было доступить до Государыни безъ его позволенія; да и кого допускалъ, за тѣмъ и самъ вхаживалъ, и никто отнюдь, ниже сестры Ея Величества, не воленъ былъ, что ни есть поговорить, развѣ присутствующу и слышащему ему.

Между тѣмъ верховные господа прежнюю присяги форму, которою народъ на вѣрность Государю своему себя обязуетъ, перемѣня, новую выковали, вымаравъ многія, какъ относилась

рѣчь, самодержавіе заключающая. И потомъ Февруарія въ . . . . . . день всѣхъ чиновъ созвали для присяги къ первопрестольной церквѣ, которая вкругъ по площади многимъ воинствомъ обставлена была. И тогда, въ собраніи Верховнаго Совѣта, нѣкоторые изъ Шляхетства о перемѣнной присяжной формѣ спорили. А въ Палатѣ Синодской, первый членъ, Архіепископъ Новогородскій, какъ къ товарищамъ своимъ, такъ и ко всѣмъ прочимъ Архіереямъ и Архимандритамъ, (а было многое число), увѣщевательную рѣчь имѣлъ, ясно показуя, что великое весьма дѣло есть присяга, и вѣчно наводитъ бѣдство, если кто присягаетъ на то, что противно совѣсти, или чего и самъ не хощетъ, или не вѣдаетъ; и для того настоялъ, дабы Синодъ отъ Верховнаго Совѣта новосоставленной, какъ слышно, присяжной формы первѣе требовалъ, чтобъ знать, что въ ней содержится. И тако изъ Синода въ Верховный Совѣтъ секретари посыланы, ходили, и возвращались одинъ по другому, и доносили, что господа верховники не отрицаютъ прислать въ Синодъ требуемую форму, однако жъ не присылали. И когда того синодальные многократно чрезъ посылаемыхъ секретарей до-

могались, а верховные многократно прислать обѣщались, внезапно въ Синодъ повѣщено, что господа верховные въ церковь вошли и духовныхъ тамо ожидаютъ. Новогородскій тою вѣдомостію смущенъ, совѣтовалъ не ходить туда, но какъ увидѣлъ, что всѣ идутъ, будто бы нѣкоею силою влекомы, и самъ за ними пошелъ. Только же что вошли Архіереи въ церковь, тотчасъ господа верховные стали ласкательно просить ихъ, дабы первые они учинить присягу изволили, яко всего народа пастыри и въ духовныхъ дѣлахъ предводители. И тогда Новогородскій, воспросивъ у собраннаго народа молчанія, которое и сдѣлалось, въ той же силѣ какъ говорилъ въ Синодѣ, всѣмъ въ слухъ о присягѣ проповѣдывалъ. Великое собранныхъ было множество, и всѣ изъ шляхетства. И на слова Архіерейскія, краткіе изъ кучи отвѣты съ воздыханіемъ произнеслись, что истинное тое наставленіе, и что присяга дѣло страшное! Увѣщевалъ же всѣхъ Архіерей, дабы никто безразсудно присягать не торопился, и домогаться сталъ, чтобъ первѣе форма присяги всѣмъ въ слухъ и съ амвона прочтена была, чтобъ всѣ могли вѣдать, на что присягать над-

лежитъ, или не надлежитъ. Прекословилъ же Новогородскому князь Дмитрій Голицынъ, но изъ рѣчей его Архіерей оный вящшія къ дѣлу своему доказательства выводилъ. Но прочіе изъ верховныхъ, опасаясь, что бы не пришло до смутки, скоро на требованіе Новогородскаго позволили. Да и тутъ вещица весьма чудная приключилась: когда велѣно секретарю взойти на амвонъ и формулу присяги прочесть, и се ни у него и ни у кого не было формулы, которыхъ многія тысячи напечатано. Изъ чего можно видѣть, что факція оная все торопко и непорядочно дѣлала, и въ затѣйкахъ своихъ больше имѣла страха, нежели упованія. Когда же принесли и прочли формулу, стало явно слышащимъ, что хотя нѣкія прежнія рѣчи, самодержавіе означающія, выключены, однако же не включено другихъ, которыя бы ясно изображали новый и отъ прежняго разнствующій владѣнія образъ, и осьмоличные оные владѣтели не именованы, (чего найпаче весь народъ, ожидая, дрожалъ), и о подверженныхъ Государынѣ договорахъ ничего неупомянуто. И вся присяги перемѣна въ сихъ рѣчахъ была, что присягаютъ отечеству и Государынѣ. Того ради, какъ Архі-

ереи, такъ и изъ мірскихъ начальнѣйшіе поразсудивъ, что формула верховникамъ не къ пользѣ и впредь къ раздруженію намѣренія ихъ помѣшки сдѣлать не можетъ, приговорили, принять оную снисходительно. И тако, по словамъ оной формы присягу исполнили. Обносится же, что сочинена была формула иная, затѣйкамъ верховныхъ господъ служащая весьма, да произнесть ее господа не посмѣли.

Видно же изъ сего, что господа верховные ни какой себѣ выторжки не получили, однако жъ какъ они, такъ сродники и друзья ихъ, яко бы въ нѣкоемъ благопоспѣшеніи своемъ, торжествовали. Учинилась изъ того другимъ не малая тревога и разные догады родились: одни думали, что господа оные притворяютъ себѣ видъ веселія, чтобъ себя побѣжденныхъ не показать; а другіе, радость ихъ въ томъ быть разсуждали, что противная ихъ факція кое-какъ затихла, и таковая тишина угодна имъ къ вящшему дерзновенію. Простые и трусливые говорили, что въ новой оной присяжной формѣ нѣкое содержится таинство, самымъ только творцомъ вѣдомое, а прочимъ непостигаемое. Что же то ни было, только нахальная оныхъ господъ бо-

дросшь всѣмъ была съ досадою. Паче же всего бѣднѣе самой Государыни сосшояніе, аки бы предъ очима ходящее, на гнѣвъ и яросшь позывало. Не приходишъ она, не видишъ; не поздравляешъ ее народъ. А когда шому всюду вѣсшь приносилась, чшо Кн. Василій Лукичъ, какъ бы нѣкій драконъ блюдешъ неприсшупну, и чшо она безъ воли его ни въ чемъ невольна, и неизвѣсшно: жива ли? а если жива, шо насилу дышешъ, и чшо оные шираны имѣюшъ Государыню за шѣнь Государыни, а между шѣмъ злѣйшее нѣчшо промышляюшъ, чего другимъ и догадывашься нельзя. Сія и симъ подобная, когда вездѣ говорено, ожила другой компаніи ревносшь, и жесшочаѣ, нежели прежде, воспрянулась. Видѣшь было на многихъ, чшо нѣчшо весьма сшранное умышляюшъ, но шихомирныя головы къ шому всѣхъ приклонили, дабы мяшежное оное господсшво упраздниmь правильнымъ и безопаснымъ дѣйсшвіемъ. Сшедшись въ едино собраніе, многіе изъ шляхешсшва написали Государынѣ челобишную, въ кошорой объявили, чшо бывшее въ Курляндіи посольсшво не шолько безъ согласія всѣхъ чиновъ, но и безъ вѣдома, и нарочно скрышно усшроено ошъ при-

вашныхъ осьми человѣкъ для домашнихъ ихъ интересовъ, и покорно просятъ Ея Величество, чтобъ договорное Курляндское письмо ей подверженное, (хотя она лживому доносу простотою повѣря, и подписала), изволила отвергнуть и уничтожить, яко нѣкій незаконный извергъ и уродъ, на гибель отечества отъ немногихъ затѣйщиковъ изданный. И скоро великимъ множествомъ въ палаты Царскія вшедъ, стали требовать, дабы до Ея Величества приступить имъ позволено. Сіе услышавъ, выбѣглъ къ нимъ Князь Василій Лукичъ, и притворяся, будто бы во всемъ томъ съ ними согласенъ, сталъ сочиненной отъ нихъ челобитной просить, обѣщавая тотчасъ оную подать въ руки Ея Величества. Но никто такъ нечувствительный не былъ, кто бы коварства его не узналъ. Всѣ вопить стали, что подданныхъ отъ Государыни, и сыновъ отъ матери отрывать не надлежитъ, а кто не такъ мудрствуетъ, тотъ врагъ есть и Государыни и государства. И тако онъ, стыда, страха и ярости исполненъ, отошелъ отъ нихъ.

Была тогда у Государыни сестра ея, Царевна Екатерина, и она прежде о таковомъ

шляхетства намѣренія увѣдомлена, слыша нынѣ о собраніи ихъ, все, что сдѣлалось, Государынѣ донесла, увѣщевая войти къ нимъ и послушать ихъ челобитья. И свободно было о семъ говорить, понеже князь Василій Лукичъ на слухъ онаго собранія выходилъ, какъ уже упомянулось. Вышла Государыня въ залу и, стоя подъ балдахиномъ, впустить просителей и прошеніе ихъ прочесть повелѣла; а по прочтеніи того приказала тотчасъ подать себѣ письмо Курляндское (11). Потомъ произнесла краткую рѣчь въ таковой силѣ, что, хотя весьма тяжелые поданы ей были царствованія договоры, однако же вѣруя, какъ ей докладывано, что оные отъ всѣхъ чиновъ и отъ всего Россійскаго народа требуются, для любви отечества своего подписала. А понеже нынѣ извѣстно является, что лжею и лестію сдѣланъ ей обманъ, того ради оные договоры, яко сущею неправдою отъ себя исторженные, уничтожаетъ, и рукописаніе свое никому впредь имѣть за важное приказуетъ. И то сказавъ, тотчасъ упомянутое письмо, до рукъ ея поданное, разодрала и на землю бросила. Воскликнуло предстоящее всѣхъ множество, зѣло Ея Величество благодарствуя и кланяясь.

Были же при помъ нѣкопорые и опъ верховниковъ, и когда просипели оные, благодаря Государыню, кланялись, погда и сіи поклонилисъ, — кое дѣйспвіе ихъ, понеже паче всякаго чаянія показалось, подало въ народъ довольную смѣха мапери̇ю (12).

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) По извѣстіямъ Мальгина: »Зерц. Рос. Государей« Петръ II скончался Янв. 19 дня, въ Москвѣ. — За малолѣтствомъ его, правленіе государства вручено было правительствующей опекѣ, которая состояла изъ слѣдующихъ особъ: 1, Голштинской Герцогини Анны Петровны съ супругомъ; 2, Великой Княжны Елисаветы съ нареченнымъ женихомъ ея, Голштинскимъ Герцогомъ и Любскимъ Епископомъ; 3, Фельдмаршала Князя Меншикова; 4, Генералъ-Адмирала Графа Апраксина; 5, Канцлера Графа Головкина; 6, Вице-Канцлера Остерманна; 7, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Князя Дм. Мих. Голицина и 8, Князя Вас. Лук. Долгорукаго.

(2) Только Верховный Совѣтъ, Сенатъ и первыхъ классовъ Генералитетъ остались въ Кремлевскомъ дворцѣ. Тамъ они разсуждали, безъ духовенства, о избраніи преемника престола. Канцлеръ Графъ Головкинъ первоначально потребовалъ отъ каждаго изъ нихъ своего мнѣнія. Князья Дм. Мих. Голицынъ и Вас. Лук. Долгорукій предложили избрать Курляндскую Герцогиню Анну, съ тѣмъ, чтобы правленіе ея было ограничено.

Причина, почему Герцогиня Анна предпочтена была старшей сестрѣ своей Екатеринѣ, Княгинѣ Мекленбургской, находившейся въ Москвѣ, была та,

что Курляндская Герцогиня находилась тогда въ Митавѣ, а это ея отсутствіе и дальнее разстояніе дало имъ время начертить образъ придуманнаго ими новаго правленія. Всѣ голоса пали въ пользу Анны; даже это было одобрено Верховнымъ Совѣтомъ, который состоялъ большею частію изъ Долгоруковыхъ и ихъ родственниковъ. Не смотря на единодушное желаніе, дочь Великаго Петра, Елисавета, могла быть коронована, если бы послѣдовала совѣтамъ Лейбъ-Медика своего Гр. Лестока, требовавшаго настоятельно, что бы она, собравъ гвардію, явилась къ народу и объявила свои права на престолъ; но Великая Княжна не захотѣла даже выйти изъ комнаты: можетъ быть она не имѣла довольно твердости духа, чтобы привесть въ исполненіе это важное предпріятіе. Говорятъ, что невинныя занятія: чтеніе книгъ, музыка, удовольствіе мирной жизни, предпочитала она славѣ царствованія. Во все Императорствованіе Анны она никѣмъ не была тревожима, и это, быть можетъ, по тому, что она пристрастилась къ спокойной жизни. Впрочемъ, въ это время, не было замѣтно ея приверженцевъ: такъ было ихъ мало. Многіе изъ вельможъ открыто говорили: Княжна молода, чтобы быть Императрицею. Когда Елисавета сдѣлана была Императрицею, Генералъ Кейтъ, разговаривая съ нею объ этомъ происшествіи, обнаружилъ крайнее свое удивленіе, что она, имѣвъ и прежде въ своихъ рукахъ средства къ достиженію трона, пренебрегла

ихъ; тогда Государыня отвѣчала ему: »Я весьма рада, что въ то время не воспользовалась, потому что я тогда была очень молода, и государство потерпѣло бы чрезъ меня.« — Manst. Mém. sur la Russie, c. 34—37. Когда Анна взошла на престолъ, Елисаветѣ было 21 годъ отъ роду.

(3) Дочь его Екатерина была обручена съ Петромъ II въ 1729 г. Нояб. 30, а Петръ II сконч. въ 1730 году, Янв. 19 дня. — Кн. Алек. Григ. Долгорукій былъ Дѣйствительнымъ Тайнымъ Совѣтникомъ, Гофмейстеромъ и помощникомъ Гр. А. И. Остерманна въ воспитаніи Петра II.

(4) Укоряютъ еще Долгоруковыхъ въ томъ, что они отъ всѣхъ скрывали опасную болѣзнь Императора, и когда уже увидѣли, что нельзя болѣе таить, написали завѣщаніе, по коему Княжна Екатерина, невѣста Императора, наименована была преемницею престола. — Князь Иванъ Алексѣевичъ, родной братъ ея, подписалъ вмѣсто Императора, какъ обыкновенно дѣлывалъ при жизни его. — Едва Петръ II закрылъ глаза, Князь Иванъ вышелъ изъ комнаты, съ обнаженною въ рукѣ шпагою, и первый прокричалъ: *да здравствуетъ Императрица Екатерина!* Но видя, что никто не отвѣчаетъ ему на это, вложилъ шпагу въ ножны, отправился домой и сжегъ завѣщаніе.

Очень многіе утверждаютъ, что этого завѣщанія

никогда не существовало; что оно выдумано было Долгоруковыхъ врагами, которые хотѣли этимъ самымъ сдѣлать ихъ еще болѣе ненавистными; однако, нельзя не замѣтить, что подобное завѣщаніе упоминается и въ манифестахъ, писанныхъ противу Князей Долгоруковыхъ. — Manst. Mém. sur la Russie, c. 32 и 33.

(5) Бабка Петра II была первая супруга Петра I, Евдокія, въ инокиняхъ Елена, дочь окольничаго Ѳеодора Авраамовича Лопухина. — Она родилась 1669 г. Іюля 30-го, скончалась 1731 г. Августа 27-го, на 62-мъ году своей жизни. Внукъ освободилъ ея изъ заточенія Суздальско-Покровскаго Монастыря въ 1727 г. и перевелъ въ Москву, въ Вознесенскій Дѣвичій Монастырь, гдѣ она умерла. — Мальг. Зер. Рос. Гос. 6524.

(6) Екатерина и Парасковія родныя сестры Императрицы Анны. — Отецъ ихъ, Царь Іоаннъ, имѣлъ слѣдующихъ дѣтей, и все въ женскомъ колѣнѣ: 1. Марію, род. 1689 г. Мар. 21, сконч. 1692 г. Фев. 13. — 2. Ѳеодосію, род. 1690 г. Іюня 4, годъ кончины не показанъ. — 3. Екатерину, которая была второю супругою Мекленбургскаго Герцога; она род. 1691 г., Октября 29, сконч. 1733 г. Іюня 8. — 4. Анну, род. 1694 г. Янв. 28, скон. 1740 г. Окт. 17. — 5. Прасковію, род. 1695 г. Сент. 24, скон. 1731 г. Окт. 8. См. Мальгина Зерц. Рос. Госуд. — Изъ пяти дочерей Царя Іоанна замѣчательны: 1) Екатерина, супруга Мекленбургскаго Герцога, которая возвратилась въ Москву вдовою, въ

1722 г., съ дочерью своею Елисаветою Екатериною Христиною, во Св. крещеніи Анна, и эта послѣдняя была въ замужествѣ за Антономъ Ульрихомъ, Герцогомъ Брауншвейгскимъ; она была правительницею государства одинъ годъ, въ малолѣтство сына своего Іоанна, умершаго въ Шлисельбургской крѣпости; и 2) Императрица Анна.

(7) Это самъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. Сынъ Кіевскаго купца, онъ былъ Архіепископомъ Новогородскимъ и первенствующимъ Членомъ Синода.

(8) Къ Курляндской Герцогинѣ, въ Митаву, отправлены были депутатами: Князь Вас. Лук. Долгорукій, со стороны Верховнаго Совѣта; Князь Мих. Голицынъ, со стороны Сената; Генералъ-Лейтенантъ Леонтьевъ, со стороны дворянства. Имъ поручено было объявить Аннѣ о избраніи ея на престолъ, но съ тѣмъ, чтобы она не привозила съ собою въ Москву, любимца своего Бирона, и дала бы письменное обязательство, что она согласна на ограниченіе самодержавія. Императрица согласилась и подписала слѣдующія статьи: 1. Управлять государствомъ вмѣстѣ съ Верховнымъ Совѣтомъ. 2. Самой ей не начинать войны и не заключать мира. 3. Не налагать податей и не жаловать никого въ высокіе чины. 4. Никого не наказывать смертію изъ дворянъ, не разсмотря предварительно преступленіе. 5 Не описывать ничьего имѣнія въ пользу государства. 6 Не жаловать никому земель, при-

надлежащихъ коронѣ, и не переводить ихъ въ другія руки. 7 Не имѣть власти вступить въ супружество и избрать по себѣ наслѣдника, не испросивъ обо всемъ этомъ согласія Верховнаго Совѣта. Этими условіями Верховный Совѣтъ думалъ оградить себя въ самовластіи и, чтобы болѣе обезпечить, обязалъ все войско клятвеннымъ обѣщаніемъ исполнить все это; своему же собранію запретилъ подъ смертною казнею увѣдомлять избранную Императрицу прежде отправленныхъ къ ней Депутатовъ. Не взирая на подобныя предосторожности, Генералъ-Лейтенантъ Графъ Ягужинскій отправилъ отъ себя ночью, въ Митаву, адъютанта своего Сумарокова, предувѣдомить Императрицу о всемъ томъ, что предначертано было Верховнымъ Совѣтомъ. Въ письмѣ своемъ онъ просилъ, чтобы Государыня, покорясь предлагаемымъ условіямъ, поспѣшила потомъ пріѣхать въ Москву; что онъ между тѣмъ, до прибытія ея въ столицу, постарается собрать приверженную ей партію; что его тесть, Канцлеръ Графъ Головкинъ, уже на ея сторонѣ, и что все будетъ сдѣлано по ея желанію.

Поѣздка Сумарокова была весьма опасная: всѣ дороги вокругъ столицы были прикрыты стражею, которая обыскивала всѣхъ проѣзжавшихъ: не было ли съ ними какихъ либо тайныхъ бумагъ? Но Сумароковъ, переодѣтый въ крестьянское платьѣ, искусно проскользнулъ; только на предѣлахъ Курляндіи подвергся

было бѣдѣ, потому что тамъ запрещено было пропускать ѣхавшихъ изъ Москвы въ Митаву. И не смотря на то, съ помощію хитрости, Сумароковъ пробрался и доставилъ депеши Императрицѣ, въ такое уже время, когда депутаты прибыли и требовали аудіенціи.

Князь Долгорукій, услыхавъ о томъ, что курьеръ представлялся Герцогинѣ, велѣлъ его искать повсюду. Между тѣмъ, Сумароковъ исполнивъ возложенное на него дѣло, немедленно отправился въ путь. Долгорукій узнавъ, что онъ уже въ дорогѣ, послалъ за нимъ въ догонь; на дорогѣ его схватили и привезли къ нему. Депутаты встрѣтили гонца, Сумарокова, кулачными побоями; потомъ, повелѣвъ заковать его, отправили въ Москву. Графъ Ягужинскій, по ихъ же приказанію, немедленно былъ посаженъ въ тюрьму.

Нѣкоторые говорятъ, будто бы Императрица сама хвалилась депутатамъ, зачѣмъ пріѣзжалъ къ ней Сумароковъ; но я въ этомъ сомнѣваюсь, говоритъ Манштейнъ. Справедливо только то, что Сумароковъ былъ забытъ Императрицею и во всю жизнь свою, вмѣсто награды, никуда не былъ опредѣленъ, и умеръ въ крайней нищетѣ. — Manst. Mém. sur la Russie, c. 35, 38—40.

(9) Такъ въ рукописи.

(10) По словамъ Манштейна (Mém. sur la Russie c. 40) Государыня прибыла въ Всесвятское Фев. 20

и здѣсь прожила пять дней. — Едва она пріѣхала сюда, Канцлеръ Головкинъ немедленно представился ей, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ членовъ Верховнаго Совѣта, и поднесъ ей на золотомъ блюдѣ Андреевскую ленту со звѣздою. Императрица, увидавъ это, сказала: »Ахъ! я забыла переодѣться,« сама взяла съ блюда орденъ и приказала одному изъ ея приближенныхъ надѣть на нее, не позволивъ этого никому изъ членовъ Совѣта. Когда Канцлеръ хотѣлъ ее привѣтствовать, она то же не позволила. Въ тотъ же самый день Государыня произвела Графа Салтыкова, одного изъ близкихъ родственниковъ по матери своей, въ подполковники гвардіи. Это первое ея дѣйствіе обнаружило самовластіе. Совѣтъ и Сенатъ тотчасъ снова заставили подтвердить ее письменно, что она не преступитъ данныхъ обязательствъ своихъ. Соображаясь съ стѣснительнымъ своимъ положеніемъ, Государыня соглашалась и на это, показывая видъ, что совершенно все одобряетъ, между тѣмъ какъ тайныя ея сношенія съ преданными особами совершенно противорѣчили этому. Любимецъ Биронъ прибылъ въ Москву; это произвело явный ропотъ; но чтобы поддержать себя, она заглушила щедрыми наградами неудовольствіе и тѣмъ поселила раздоры между членами Верховнаго Совѣта. Все пошло по ея желаніямъ. Въ угодность ей разсѣяли молву между народомъ и арміею, что Долгорукіе и ихъ родственники сами хотятъ властвовать,

что собственно принадлежитъ одной Императрицѣ; что они не допускаютъ ея къ самодержавію, единственно изъ своихъ выгодъ, и по этому еще при жизни Петра II успѣли усилиться; что члены Верховнаго Совѣта и Сената суть большею частію Долгорукіе; что должно вспомнить о ихъ усиліи и злоупотребленіи передать корону дому своему, и что они и теперь не лишаются надежды владѣть престоломъ. Не забыли внушить дворянству, пока Верховный Совѣтъ будетъ держать въ рукахъ своихъ могущество, ни одинъ изъ дворянъ не можетъ надѣяться получить когда-либо важное мѣсто, и всѣ первыя должности будутъ раздаваться родственникамъ или людямъ пресмыкающимся; что весь народъ останется въ угнетеніи; между тѣмъ, если Императрица сдѣлается самодержавною, то самый бѣдный дворянинъ достигнетъ первыхъ почестей наравнѣ съ княжескими родами, чему примѣры безсчисленные почерпнуть можно изъ счастливаго царствованія Петра I, который почиталъ одни заслуги, и если этотъ великій Государь иногда былъ строгъ, тому причиной злонамѣренные люди. Подобныя предостереженія, очень кстати направленныя по времени, произвели всюду волненіе умовъ. — Гвардія, въ которой служили солдатами дворяне, вспыхнула мщеніемъ къ Долгоруковымъ, и тогда же, сотни зажиточныхъ помѣщиковъ стали собираться на совѣщанія въ домы Князей: Трубецкаго, Борятинскаго и Черкасскаго, къ которымъ имѣли большую довѣ-

ренность, потому что послѣднiе защищали права Императрицы. — Manst. Mém. sur la Russie, c. 40—43.

(11) Князья: Трубецкой, Борятинской и Черкасской, (бывшiй въ послѣдствiи Государственнымъ Канцлеромъ), вознамѣрились вручить самодержавiе Императрицѣ Аннѣ. На этотъ конецъ собрали они шесть сотъ человѣкъ дворянъ, съ ними представились Государынѣ, вопреки Князю Вас. Лук. Долгорукому, и просили, чтобы она повелѣла Верховному Совѣту уничтожить ограниченiе самодержавной власти. Императрица охотно согласилась, и повелѣла Графу Салтыкову немедленно занять гвардiею всѣ входы и выходы Кремлевскаго дворца. Въ скоромъ времени все было исполнено. Верховный Совѣтъ и Сенатъ собрались. Императрица между тѣмъ потребовала къ себѣ представлявшихся ей недавно депутатовъ съ дворянствомъ, въ общее собранiе, гдѣ она уже стояла подъ царскимъ балдахиномъ. Графъ Матвѣевъ, избранный дворянами для объясненiя стѣснительнаго положенiя Государыни, объявилъ, что она обманута депутатами Верховнаго Совѣта; что Россiя, управляемая многiе вѣки самодержцами, но не совѣтомъ, проситъ ее принять бразды правленiя; что и весь народъ, котораго преданности онъ равномѣрно поручитель, желаетъ, чтобы потомство Ея Величества царствовало до скончанiя вѣковъ. Императрица, слыша эти слова, притворялась изумленною. »Развѣ бумаги,« сказала она тревожнымъ голосомъ, какъ будто бы

теперь только узнала, »которыя подписала я въ Митавѣ, поднесены мнѣ безъ согласія дворянства и народа?« Почти все собраніе отвѣчало: »да!« Обратясь къ Князю Вас. Лук. Долгорукому, сказала она: »Какъ же это, Князь Василій Лукичъ? Ты меня обманулъ!« Потомъ, обратясь къ Канцлеру, приказала ему читать вслухъ, подписанныя ею обязательства на ограниченное правленіе. Графъ Головкинъ началъ читать и при каждой статьѣ былъ останавливаемъ Императрицею, которая спрашивала у всего собранія: »Сообразно ли это условіе съ духомъ народа?« Собраніе отвѣчало: »нѣтъ!« По прочитаніи всѣхъ статей, она взяла бумагу изъ рукъ Канцлера, разорвала и произнесла: »Эти бумаги не нужны! Русская Имперія всегда была управляема одною особою, и этого требую я, тѣмъ болѣе, что вступаю на престолъ не по избранію Верховнаго Совѣта, но по праву наслѣдства. Всѣ тѣ, которые воспротивятся моему самодержавію, будутъ наказаны, какъ измѣнники.« Всѣ, преданные ей, одобрили, и всюду слышны были крики радости. потомъ Государыня всѣмъ объявила: »Благо народа теперь въ рукахъ моихъ; потому, я буду царствовать со всею справедливостію и кротостію; буду пользоваться одними добрыми совѣтами Сената, и строгость свою употреблю въ крайнихъ только случаяхъ.« Для огражденія своей бсзопасности, Императрица приказала разставить по всѣмъ улицамъ войско, которое по-

клялось служить ей вѣрою; во всѣ губерніи немедленно были отправлены курьеры съ извѣстіемъ: о принятіи Императрицею самодержавія.

Дворянство и народъ, страшившіеся правленія Верховнаго Совѣта, радовались перемѣнѣ; но вечеромъ, въ тотъ же день, когда появилась на горизонтѣ, какъ бы облитая вся кровью, сѣверная звѣзда, навела такой ужасъ, что всѣ трепетали и толковали о бѣдствіи Россіи. Гаданіе народа, говоритъ Манштейнъ, совершенно въ послѣдствіи оправдалось, когда Биронъ сдѣлался временщикомъ.

Когда потребовали къ Императрицѣ членовъ Верховнаго Совѣта, страхъ ихъ былъ чрезвычайный, особенно Долгорукихъ. Одинъ только Князь Дм. Мих. Голицынъ, сохраняя обычную свою важность и твердость, сказалъ своимъ друзьямъ: »Закуска была приготовлена, но званные гости не достойны ея! Я очень знаю, что я теперь жертва: пусть такъ: я пострадаю за отечество! Я уже перешелъ поле жизни своей, и тѣ, которые будутъ оплакивать меня, будутъ страдать болѣе меня.«

По восшествіи на престолъ Императрицы Анны, Графъ Ягужинскій былъ выпущенъ изъ тюрьмы. Manst. Mém. sur la Russie, c. 43, 45—47.

(12) Князья Долгорукіе, взятые подъ стражу, были преданы суду. Между многими преступленіями, ихъ обвиняли, что они не старались объ образованіи Им-

ператора Петра II; разстроили его здоровье охотой, отъ чего преждевременно онъ умеръ, хотѣли сочетать бракомъ незрѣлаго еще въ годахъ Петра II съ Екатериною. Императрица, даровавъ всѣмъ имъ жизнь, сослала Княжну Екатерину въ дальній монастырь; брата ея, Ивана, отца, дядей и всѣхъ родственниковъ въ дальніе города Сибири. Имъ всѣмъ запрещено было вести другъ съ другомъ переписку, безъ позволенія Двора. Только Фельдмаршалъ Долгорукій и братъ его Тайный Совѣтникъ, были пощажены. По прошествіи уже нѣкотораго времени, когда Фельдмаршалъ сталъ дурно отзываться о Дворѣ, его схватили и посадили въ крѣпость Ивангородъ; по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ посадили и брата его, за то же самое, въ Шлиссельбургскую крѣпость. Оба они томились въ заключеніи до вступленія на престолъ Императрицы Елисаветы.

Изгнанные Долгорукіе жили восемь лѣтъ покойно, какъ вдругъ Императрицѣ захотѣлось употребить одного изъ нихъ на службу: этотъ жребій палъ на Сергѣя Григорьевича, занимавшаго уже мѣста посольскія при Дворахъ: Версальскомъ, Вѣнскомъ и Лондонскомъ. Его вызвали въ Петербургъ, чтобы отсюда отправить посломъ въ Лондонъ. Дворъ, принявъ его ласково, уже вручилъ ему кредитивныя грамоты; но враги, наканунѣ отъѣзда, успѣли оклеветать его и всю его фамилію. Вмѣсто посольства, отвезли его подъ стражею въ Новгородъ съ прочими родственниками.

Такъ возобновили обвиненія за составленіе имъ завѣщанія въ пользу Княжны Екатерины, провозглашенной преемницею престола; оклеветали въ сношеніи съ иностранцами, съ коими будто бы вели переписку во время княженія, ко вреду отечества. Судъ производился не долго: Князья Василій Лукичъ, Иванъ Алексѣевичъ и прочіе, были казнены.

Двойное наказаніе Долгорукихъ многимъ покажется невѣроятнымъ, но оно точно такъ случилось. Когда Долгорукіе были сосланы, непріятели ихъ остались въ покоѣ; какъ только Императрица вызвала нѣкоторыхъ изъ заточенія, то враги, боясь, чтобы они снова возвысились, не усыпляясь, приняли свои мѣры къ ихъ пагубѣ. Волынскій, какъ утверждаютъ, болѣе всѣхъ старался истребить ихъ. Истинная же причина таится въ мстительномъ сердцѣ Бирона, который никогда не могъ простить имъ, что они настаивали у Императрицы, еще въ Митавѣ, не брать его съ собою.

Князья Голицыны, связанные съ давнихъ временъ узами родства съ Долгорукими, также потерпѣли въ паденіи. Ихъ удалили только отъ Двора, отославъ на Губернаторскія мѣста въ Казань и Сибирь. Во все царствованіе Императрицы Анны, Голицыны не были возводимы ни въ какія почести. — Manst. Mém. sur la Russie, с. 49—53 и 59.

Императрица Анна, до того простерла немилость на родъ Долгорукихъ, что жестоко наказавъ какъ виновныхъ, такъ и невинныхъ, не позволяла прочимъ Долгорукимъ, непричастнымъ ни къ какому преступленію, производить далѣе капитанскаго чина. См. Малыгина »Зерц.Рос. Госуд.« с. 567.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Читать.
4	10	ко	но
4	14	1786 г.	1736 г.
5	21	свой	его
13	5	прадечнаго	прадѣдечнаго
23	19	Ѳелики	ослики
37	9	пречесть	прочесть.

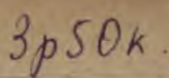
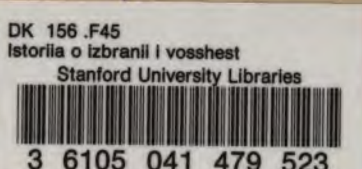
По отпечатаніи сочиненія Ѳеофана Прокоповича, подъ заглавіемъ: «Исторія о избраніи и восшествіи на престолъ, блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны, Самодержицы Всероссійскія» я отыскалъ еще другую въ рукописи, хранящуюся въ Императорской публичной библіотекѣ: «О кончинѣ Императора Петра II. и о вступленіи на престолъ Императрицы Анны Іоанновны.» Свѣривъ съ изданною мною, я нашелъ, что она одна и таже, кромѣ прибавочнаго заглавія. Было ли оно выставлено самымъ Ѳеофаномъ, или переписчикомъ? — неизвѣстно. — Рукопись Император. публичн. библ. писана въ концѣ XVIII в. и помѣщена въ сборникѣ на страц. 15. — Представляя здѣсь разность двухъ этихъ рукописей, я отличилъ ихъ именами владѣтелей.

Стран.	строк.	*Рук. Терещенка.*	*Рук. Импер. публ. библ.*
1	2	1730 г. янв. 18.	1732 г. янв. 18.
4	3	меньше часа, и пребыли	послѣ чего меньше часа пребывали

		Рук. Терещенка.	Рук. Импер. публ. библ.
5	3	заблагоразсудилось, къ находящему дню	заблагоразсудилось отложить то къ настоящему дню; и въ палатахъ верховнаго совѣта
5	25	свойственниковъ.	совѣтниковъ.
6	5	составомъ цвѣтущій.	цвѣтомъ цвѣтущій.
6	8	о близкой своей смерти? а когда пришла ему болѣзнь	о близкой своей смерти, не то, чтобъ пещися и промышлять чему быть по кончинѣ своей? а когда пришла ему болѣзнь
6	10	не болѣе двѣнадцати дней, удручая его умертвила,	не болѣе какъ въ дванадесятый день его умертвила
9	18	и что большую	и тѣмъ большую
10	11	девять человѣкъ.	десять человѣкъ
[illegible]	8	доспѣли, что Голицыны съ Долгорукими, прельщены ли имъ будучи,	довели, что Голицыны Долгорукими, прельщены, или опасны будучи,
14	4	видить	вводить
14	10	торжество.	тиранство.
18	4	кроткое.	краткое.
19	21	дѣйствія. Нарочно отъ нихъ	дѣйствія: и когда узнали сіе, показывали себѣ жестоко грозныхъ и яросныхъ. Нарочно отъ нихъ

		Рук. Терещенка.	Рук. Импер. публ. библ.
20	24	сословию	согласию
20	24	кланяясь	ратясь
21	14	слышалъ, въдалъ, что то обманцое ловительство	слышалъ: тотъ почиталъ сіе обманное ловительство
22	9	въ незапныхъ	недавнихъ.
22	17	какая тайная нашлась поговорка	нѣкая тайная нашлась поговорка.
22	24	и радостны были	и нарядны были
24	5	погаркивалъ	поговаривалъ
25	8	нежели вмѣня то	нежели употребить то
25	15	обраненной	обороненной
27	5	когда	тогда
27	12	на глаза ихъ присматривался	на глаза ихъ и на руки и отъ головы до ногъ присматривался
27	18	проронить	спустить
30	3	и на томъ бы	и тѣмъ бы
32	4	и духовныхъ тамо дожидаютъ	и духовныхъ дожидаются
33	8	секретарю.	секлетарю,
33	13	все торопко и непорядочно дѣлала	весьма непорядочно дѣлалось
33	21	владѣтели неименованы	владѣтели въ наименованы были
34	3	къ раздруженію	къ разрушенію

		Рук. Тер[illegible].	Рук. Импер. публ. библ.
35	2	съ досадою. Паче же всего видѣніе	съ досадою, и [illegible] [illegible] чѣмъ [illegible] [illegible]: паче же всего видѣніе
35	4	не приходитъ она. не видитъ:	не происходитъ она не [illegible]
35	12	[illegible]	[illegible]
35	14	[illegible]	ожидала
35	15	[illegible]. Видѣть было на многихъ	[illegible] не многихъ
36	16	[illegible]	[illegible]

3p50k.

DK 156 .F45
Istoriia o izbranii i vosshest
Stanford University Libraries
3 6105 041 479 523

Отд.
№